

В горе Березовой пучилась неведомая сила
живой земли

САМОКАТЫ, НОЖИ И ЭРОС

КОЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

ПОКА ГОРОД ЖИЛ на левом берегу, гора Березовая всегда была полна народу, как озеро, полное рыбы, или готовый взорваться шевелящийся вулкан.

Но это пучилась неведомая сила живой земли, как говорилось в народе: лоно природы. Тучами носились по ее склонам десятилетние подростки на самокатах. Они обрушивались с горы по улице Щорса, выскакивали на улицу Кирова в облаках пыли, грохота и свиста. Сердитые «Победы» начальников мира уступали им дорогу, прижимаясь к обочине: все равно это были еще пионеры и школьники.

Затем бросались в глаза пятнадцатилетние в пузырящихся штанах и транспортерных тапках, кепочках на вырост, с папиросками во рту.

Те увлекались сотворением ножей. О! Это было тайное, магическое искусство. Сталь добывали на скрапных площадках, на складах механомонтажных мастерских. Ломали лопасти погибших турбин, распиливали и затачивали, заливали рукоятки свинцом, одевали в ножны, прятали в ботинки и сапоги, в карман и за пояс и отправлялись на гору Березовую – погулять. Правда, они были еще комсомольцы, но кто бы это помнил на лоне живой природы. И почему все-таки ножи? Наверное, влияло дыхание войны или обрывочные, двоякие воспоминания фронтовиков, их то и дело мелькавшие ножи.

Большая плоская каменная плита называлась ласково Диванчик – там то и дело происходили дуэли. Ниже Диванчика бил родничок. Там

бойцы смывали кровь и лечили раны живой водой. Каменный занорыш ученые люди теперь называют жертвенником. Но в те времена ножей и крутых «Побед» это был Костерок – там проходили дружеские военные советы, потому что на гору для богатырских игр собирались молодые силы и Березок, и Димитровки, и Новостройки, и даже Дзержинки и Бетонстроя.

А далее возникает отдельное сословие горы – девчонки! Из-за них-то и качало гору, как вулкан. Они-то и лишали мальчишек невинности с четырнадцати героических лет.

Сереза-философ пережил и бури самокатных оргий, и ножи на вырост: от перочинных игрушек до «перьев» с лезвиями до 30 см. Но в конце концов увлекся линзами и созданием

подзорной трубы для разглядывания жизни горы Березовой. Его дружки Колиста и Вовиста, излазив ствол трубы из папье-маше, назвали назначение трубы так: «Пойдем... пострадать».

И они шли пострадать туда, где стояла трава в рост человеческий, где бурели колючие кустарники, то цветущие, то ягодные, где дальше затаился склад с аммоналом, стояли вышки с охраной и бродили здоровенные овчарки. Туда же, обезумев от любви, закатив глаза к свету вечерней звезды или блистанию молний, брели те, кому уже не было обратной дороги в детство. Туда уходили парочки – юноши и девушки – будущие мужчины и женщины, будущие отцы и матери, будущие дедушки и бабушки...

Мальчишки с подзорной трубой наперевес очень им сострадали, хихикали, жарко шептались, разглядывая кипучий театр любви, и чувствовали свое превосходство – примерно как писатель Гоголь, изображая свои «Мертвые души» и ни за что не желая жениться... Однажды, пробираясь сквозь высокую траву, они вышли прямо к любовному ложу. Первая их увидела и вскрикнула молодая красавица. Он же вскричал с земли «яростный и светящийся, как созвездие Орион с ножом ниже пояса», вспоминал Сереза:

– Я тогда впервые пронзительно понял, что такое мужчина. Это был бог, совершенный и всесильный. Мы готовы были, как рабы, пасть перед ним на колени. Библейская сцена. Этого нельзя видеть. Может ударить проклятие.

– Уходите! – вскричала красавица, цепляясь за ноги любимого. Она была милосерднее его.

– Боже мой! Сколько же энергии и ярости в любви, – хватаясь за голову, бормотал в отчаянии Сереза, – сидя у Костерка, по сути, во чреве каменных губ горы Березовой, в компании с мерцающим Орионцем, у которого были наготове свои звездные истории из жизни горы. Например, он видел из своего радужного равновесия, как погибли от ревнивых ножей Колиста и Вовиста и еще красавец Король. Это случилось уже на правом берегу в квартале номер тринадцать, куда они переехали из березовских барачков, прямо напротив Дворца Ленинского комсомола, где теперь театр оперы и балета, где звучит музыка небесных сфер.

Но Сереза изнемогал под шелестом воспоминаний:

– Почему никто из нас не стал комсомольским вожаком? Партийным лидером? Председателем профкома? Начальником мира?

Тогда вспыхнул семицветный собеседник философа:

– Скорее всего, в этом виновата гора Березовая. Вы слишком доверились ее нечеловеческому здоровью. Гора принадлежит не вам. Ее семейство – горы, ветры, дожди-грозы, снега, Луна, Солнце и гравитационная тяга звезд. Она легко одарила вас горным счастьем, другого счастья вы и не заметили.

Так сказал Орионец. Орионец не обманщик.

РИММА ДЫШАЛЕНКОВА.

Союз Петра и Пелагеи

Станным казался уклад их жизни лишь на первый взгляд

В ВОСКРЕСЕНЬЕ Пелагея проснулась раньше мужа. Ее будоражили мысли об одном из сыновей, Федоре.

Парню исполнилось девятнадцать, а он все, как непутевый, трудно искал и все не мог найти свой путь в жизни. И умом, и ростом вышел весь в отца, только замкнутый. Иной раз слова не допросишься у него. Что там у него на душе? О чем молчит? Влюблен или разлука с девушкой гложет душу? В глаза глянешь – там не по возрасту много житейской мудрости... Откуда это в нем? В кого, в чью породу пошел? Ответа на эти мысли Пелагея пока не знала. Ей хотелось, чтобы все в их большой семье было так, как шло издавна у ее родителей, когда традиции семьи – это святое, когда дети родителям послушны и понятны. Как там в молитве: «Господи, будет милость твоя на детях моих»...

...Пелагея осторожно вынырнула из-под руки мужа, нежно обнимающей ее. Петр сонно сдвинулся к ней, обхватил крепко, уткнулся носом в ее плечо и что-то пробурчал

невнятное. Пелагея улыбнулась и все-таки высвободилась из его объятий. Они были ей приятны, но надо вставать. Эта ночь была чудесной, наступал новый день, в котором, она уверена, будет много приятных минут. Так, так, так: срочно надо замесить тесто, вскипятить воды, затопить печь...

Станным казался уклад их жизни лишь на первый взгляд. Оба они – и Петр, и Пелагея – хорошо зарабатывающие, обеспеченные, дом – вот он рядом, выстроен на славу, наполнен всеми чудесами бытовой техники, а они по выходным все равно перебирались в этот маленький, оставшийся от родителей соседний домишко. Обустроили его по-своему, но сохранили деревенский уклад жизни и каждый раз стремились именно здесь переночевать. Здесь они проживали выходные в атмосфере своего крестьянского рода. Один день и одна ночь в этом уютном домике приравнивались к месяцу отдыха в санатории на берегу моря – такой по-весеннему свежей была сама его атмосфера. Дышалось здесь невероятно легко, и каждый

раз, как только получалось приехать сюда, у них снова начинался медовый месяц.

Их старинные имена достались им в наследство, как этот дом. В память о тех, кто веками обустроивал землю, сеял и пахал, любил, растил детей...

Встав раньше всех в доме, Пелагея умылась ключевой водой и, мягко ступая босыми ногами по домотканым цветным половикам, подошла к иконе Божьей Матери... Низко, в пояс поклонилась. Замерла. Прислушиваясь к душе и к телу, ждала, когда появится отклик в душе, и можно будет подняться. Эти минуты молитвы за сыновей и дочерей были благостными и благословенными...

Петр уже не спал – она это чувствовала, но он не спешил с ней заговаривать, знал, что она молилась. Ее муж жил глубокой внутренней верой, а вот так, у иконы, он молился только тогда, когда удавалось побыть в этом доме одному. Трепетно относился он к молитвам жены. Он понимал, как сильна она, материнская молитва. Были разные времена в их жизни, по-разному росли дети,

особенно младшенький. Петр и Пелагея, не сговариваясь, ждали, очень терпеливо, когда парень сам дойдет до важных жизненных вещей. Им, слава богу, хватило мудрости не вмешиваться тогда, когда, казалось, только родители и могут помочь.

«...Господи, будет милость твоя на детях наших, сохрани их под кровом твоим, покрытый от всякого лукавого похотения, отжи от них всякого врага и супостата...»

Пелагея молилась, а Петр уже поднялся, надел ручную работы холщовую рубашку и стоял в дверях, молча любясь женой. Годы были к ней милостивы, она мало изменилась внешне. По природе своей яркая, крупная, с годами она приобрела то особое женское обаяние, которое бывает у замужних женщин, чья семейная жизнь сложилась счастливо. Какие бы бури ни случались в их с Петром жизни, они стремились, как ни было трудно, держаться друг друга и искать совета не на стороне, а в семье, хорошо понимая, что их союз от этого только крепче будет. Так испокон веку жили их родители, прадеды, прапрадеды...

Пришло время, почти все их дети

стали самостоятельными. Пришла пора благословить во взрослую жизнь младшенького, и глава семьи уже не раз заводил с супругой этот разговор.

– Подожди, потерпи, – успокаивал муж Пелагею, по привычке мягко дотрагиваясь до ее волос. – Дай ему время, мужик ведь растет, а у нас, мужиков, иногда всякой ерунды бывает навалом в голове, пусть сам во всем разберется. Невозможно даже при всем огромном желании, при всей любви к детям, нельзя передать им свой жизненный опыт. Дай ему набить своих шишек, приобрести свои ошибки, дай возможность вырасти мужику крепким, дай время понять, что характер по жизни необходим так, как собственные мужские решения.

– Спасибо тебе, радость моя, – шептала в ответ Пелагея, получая искреннее удовольствие и оттого, что муж брал на себя решение по отношению к младшенькому, и оттого, что нежность его снимала ее внутреннее напряжение.

Она успокаивалась и начинала думать о насущных заботах. Чем, к примеру, порадует своих домочадцев в праздник Светлого Христова воскресенья. Пасха всегда была для Пелагеи и Петра днем особого благостного настроения и молитвы... Господи, будет милость твоя на детях наших...

БЕРА ЗАХАРОВА.